

В кабинете воцарилась такая глубокая, почти осязаемая тишина, что, казалось, звук упавшей иглы прозвучал бы подобно грому.

Гу Яньлин, выпалив всё это в спешке, замер в напряженном ожидании, ловя каждый шорох, но от Сяо Синханя не последовало ни единого звука. В конце концов, он не выдержал и украдкой взглянул на своего господина. К его удивлению, тот тоже смотрел прямо на него. Стоило их взглядам встретиться, как Гу Яньлин, подобно пугливой улитке, которая в испуге выставила рожки, поспешно и крайне неуклюже втянул голову обратно.

Когда Сяо Синхань не желал обнаруживать свои чувства, никто в целом мире не смог бы догадаться, о чём он думает в этот момент.

Гу Яньлин же сейчас так сильно трепетал за свою шкуру, что ему было совершенно не до глубоких раздумий. Раз собеседник так долго хранил молчание, юноша просто не мог найти себе места; он замер на одном пяточке, но всё равно начал осторожно и нервно переминаться с ноги на ногу.

- Господин, тогда я, пожалуй, пойду, чтобы изготовить для вас ароматный мешочек... - пролепетал он.

Сяо Синхань ответил коротко:

- Не спеши.

Гу Яньлин уже развернулся было вполоборота, но, услышав, что спешить не нужно, едва не скривился от досады. Он выпалил свои аргументы с таким жаром, словно перед ним стоял заклятый враг:

- Господин, я... понимаете, это правда невозможно! Старший брат Чан Фэн прекрасно знает, что я коплю деньги на будущую жену. В нашей семье на протяжении девяти поколений всегда был только один наследник, и я - единственный росток, последняя надежда рода. На меня возлагают огромные чаяния, чтобы наша родословная не прервалась. Я безмерно благодарен за вашу милость, но, право слово, я не достоин такого великого счастья!

В первый раз, когда он отказал, всё можно было списать на обычный испуг - мол, принял шутку за чистую монету. Но сейчас эти слова звучали так, будто он всерьёз полагал, что Сяо

Синхань положил на него глаз. Сяо Синхань искренне не понимал, откуда у этого простого парня взялась такая непоколебимая самоуверенность.

Наследный принц окинул Гу Яньлина изучающим взглядом, впервые в своей жизни испытал нечто совершенно невообразимое. Ему до безумия захотелось вскрыть череп этого юноши и заглянуть внутрь, чтобы посмотреть, что же там творится в его голове.

- Не достоин счастья, значит? - выражение лица Сяо Синханя наконец изменилось. - Раз так, впредь можешь не прислуживать мне. Проваливай отсюда прямо сейчас.

Сказал он это отчасти из чистого любопытства, желая увидеть, какую ещё неожиданную и забавную реакцию выдаст этот странный парень.

«Да ладно? Неужели он действительно обиделся и разозлился из-за того, что ему отказали!» - подумал принц.

Гу Яньлин, разумеется, вовсе не собирался уходить. Не зря же он так мучился последние несколько дней!

«Не уйду! Даже под страхом смерти не уйду!» - пронеслось у него в голове.

- Я не уйду, - твердо заявил он. - Я хочу и впредь быть вашей опорой и преданно прислуживать вам, господин.

Сяо Синхань, даже сидя в кресле, сохранял безупречную властную осанку. Он слегка прищурился и холодно произнёс:

- Мне не нужны просто слуги, мне нужен тот, кто будет согревать мою постель. Раз ты не хочешь этого, больше не смей здесь появляться.

Гу Яньлин с трудом сглотнул:

- ...

Вот это он точно не мог сделать!!

Сяо Синхань с нескрываемым интересом наблюдал за тем, как стремительно меняется выражение лица юноши.

Его приезд в Янчжоу и без того был поспешным. Всё из-за государственного наставника, который предсказал, что в этом году принца ждёт великое бедствие, и ему жизненно необходимо покинуть пределы столицы. К счастью, вскоре звезда любви засияла ярко, суля избавление от грядущей напасти: оказалось, что суженая наследная принцесса уже объявилась в Янчжоу, поэтому император и приказал сыну немедленно отправиться в путь.

Нельзя было винить государя в такой слепой вере. В императорской семье было крайне мало детей: до Сяо Синханя рождались и другие принцы, но никто из них не доживал даже до своего первого месяца жизни. Император, завоевавший всю Поднебесную в седле, всегда считал, что это суровая кара за его чрезмерную жестокость в былые годы. Теперь Сяо Синхань оставался единственным законным наследником, поэтому с самых малых лет его берегли как зеницу ока, стараясь не допустить ни единой ошибки в его воспитании и защите.

А то, что наследный принц в свои двадцать два года до сих пор не выбрал себе супругу, объяснялось строгими словами государственного наставника: первый сын принца обязательно должен быть рождён от законной жены, иначе он тоже рано умрёт. А так как кандидатура наследной принцессы была заранее predeterminedена самой судьбой, выбор затянулся. Государь, разумеется, проявлял крайнюю осторожность, ведь вопрос деторождения в его случае был вопросом государственной важности.

Однако Сяо Синхань никогда не верил в подобную чушь. Все эти предсказания о грядущих бедствиях и сиянии звёзд любви казались ему абсолютным абсурдом. Впрочем, он был не прочь использовать слова наставника как удобный щит, чтобы отбиваться от бесконечных разговоров о женитьбе.

Всё это оставалось глубокими тайнами императорского двора. Даже Ли Юфу не знал об истинных причинах, не говоря уже о Чан Фэне. Именно из-за отсутствия супруги поползли едкие слухи, будто у наследного принца есть какой-то скрытый недуг, но Сяо Синханя подобные пересуды совершенно не волновали.

Гу Яньлин же в этот момент был полон горьких сожалений. Знал бы он, что всё обернётся именно так – ни за что на свете не стал бы пить эту пилюлю изменения внешности! Теперь же он, сам того не желая, попал в опасное поле зрения принца.

«У-у-у, я совсем не хочу, чтобы меня уложили в постель и начали тискать!» - в ужасе подумал он.

- Господин, можно мне подумать? - с надеждой спросил он. - У нас в роду на протяжении девяти поколений был один наследник. Если я стану вашим наложником, боюсь, по ночам мои предки вылезут из могил и придут за мной с расправой.

Сяо Синхань сразу понял, что это лишь жалкий способ потянуть время. Изначально он просто хотел подшутить и посмотреть на забавную реакцию юноши, но теперь ему стало скучно.

- Хорошо, - милостиво ответил принц. - Но имей в виду, что у меня очень мало терпения.

Гу Яньлин поспешно и часто закивал:

- Спасибо, господин! Тогда я пойду изготавливать для вас ароматный мешочек.

Сяо Синхань лишь коротко отозвался:

- Хм.

Получив разрешение, Гу Яньлин почувствовал колоссальное облегчение. По крайней мере, его пятая точка пока оставалась в безопасности. Он пулей вылетел из кабинета, едва не сбив всё на своём пути.

Ли Юфу как раз вёл младших евнухов, неся чай и закуски для принца. Увидев, как Гу Яньлин пронёсся мимо, словно за ним гнались разъярённые дикие звери, он недовольно проворчал:

- Непоседливый какой.

Гу Яньлин с кислым видом посмотрел на белокожего слугу, следовавшего за Ли Юфу, и снова горько пожалел о своём нынешнем положении. Он не мог не поворчать про себя на весьма странные вкусы Сяо Синханя.

Ли Юфу спросил:

- Куда это ты так торопишься?

Гу Яньлин ответил:

- Изготавливать ароматный мешочек для господина.

Ли Юфу кивнул:

- Ну иди, иди.

О том, что он приглянулся Сяо Синханю, Гу Яньлин не мог рассказать Ли Юфу. Тот был безгранично предан принцу и, чего доброго, ещё помог бы этому сомнительному событию случиться. Поэтому...

Чан Фэн был буквально притащен Гу Яньлином в его комнату. Увидев, как тот в спешке и с треском захлопнул дверь, он первым делом спросил:

- Опять вляпался в какие-то неприятности?

Гу Яньлин лишь обречённо покачал головой, налил ему холодной воды и с дрожью в руках протянул чашку:

- Беда, Чан Фэн, старший брат! Я приглянулся господину! Он хочет, чтобы я согревал ему постель!

Чан Фэн от неожиданности поперхнулся водой и зашелся в приступе кашля:

- Что ты сказал?!

Гу Яньлин поставил чашку на стол и с предельно серьёзным лицом ответил:

- Ты не ослышался. Господин хочет сделать меня своим наложником!

Чан Фэн в недоумении коснулся его лба рукой:

- Жара нет, чего ты бредишь?

Гу Яньлин, видя, что ему совершенно не верят, воскликнул:

- Это чистая правда! Только что в кабинете господин пригрозил: если я не соглашусь, он больше не подпустит меня к себе!

Чан Фэн видел, что тот говорит вполне серьёзно, но само содержание...

Великолепный, благородный и несравненный наследный принц положил глаз на невзрачного слугу и даже угрожает ему? Такое мог сказать только безумец.

- Юаньбао, может, ты просто неправильно понял господина? - Чан Фэн, видя искреннюю тревогу на лице Гу Яньлина, решил проявить терпение.

Гу Яньлин тут же в деталях пересказал всё, что говорил Сяо Синхань в кабинете, и добавил:

- Господин любит мужчин, а я как раз мужчина. Как говорится, на вкус и цвет товарищей нет, вот я ему и приглянулся. Иначе почему он столько раз прощал мне ошибки? И заставлял дежурить по ночам? В тот вечер он даже велел мне раздеться!

Чан Фэн: - ...

Сначала Чан Фэн ни за что не хотел в это верить, но, выслушав все подробности, подошёл к столу и молча налил себе ещё воды. Отношение принца к Гу Яньлину действительно было странным. Самое главное - наследный принц до сих пор не выбрал супругу и, казалось, вовсе не имел такого желания. Придя к такому выводу, Чан Фэн внезапно задрожал, чуть не расплескав воду из чашки.

Неужели принц действительно любит мужчин? Но он никогда раньше не слышал о подобных наклонностях своего господина! С другой стороны, принца всегда обслуживал Ли Юфу, а теперь он сделал исключение и позволил Гу Яньлину быть рядом.

Чан Фэн растерянно спросил:

- И что ты теперь думаешь делать?

Быть наложником или евнухом - разница огромная. Если принц действительно что-то задумал, то лучше уж после возвращения в столицу поселиться в его особняке, чем лишиться мужского достоинства и стать евнухом во дворце. Конечно, прямо сказать об этом Чан Фэн не мог.

Гу Яньлин ответил:

- Я, конечно, не хочу. Ты же знаешь, я коплю деньги, чтобы жениться.

Чан Фэн помолчал:

- Раз так, просто старайся держаться от него подальше, - посоветовал Чан Фэн. - Если ты сам этого не хочешь, господин не станет тебя принуждать. В конце концов, подобные вещи должны быть добровольными.

Вся беда заключалась в том, что, несмотря на всё своё нежелание, Гу Яньлин был вынужден постоянно крутиться возле Сяо Синханя. Если бы не эта досадная необходимость, он бы давно сбежал куда подальше и не давал бы никому даже малейшего шанса посягнуть на свою драгоценную пятую точку!

Чан Фэн, заметив его нерешительность, спросил:

- ...Неужели ты всё-таки хочешь и дальше прислуживать господину?

Гу Яньлин не мог сказать всей правды, поэтому пробормотал:

- Ну, прислуживая господину, можно получить много выгоды. Когда я дежурил ночью, он даже подарил мне ту ночную жемчужину.

Правда, в тот момент он решил, что у принца наверняка какие-то нечистые помыслы и тот просто хочет его подставить, поэтому решительно отказался. Теперь же, оглядываясь назад, он с ужасом понял: должно быть, Сяо Синхань всего лишь пытался его задобрить!

Чан Фэн, видя, что тот всё ещё грезит о материальной выгоде, лишь разочарованно покачал головой:

- У тебя есть только два пути: либо держаться от него подальше, либо полностью подчиниться.

- А третьего варианта нет? - с надеждой спросил Гу Яньлин.

- Нет, - отрезал Чан Фэн.

Гу Яньлин поник и безнадежно махнул рукой:

- Я ещё подумаю. Господин не требует ответа прямо сейчас, так что моя пятая точка пока в безопасности.

Чан Фэн, услышав столь прямолинейные и приземлённые слова, смутился и на мгновение не нашёл, что ответить.

- Эй, Чан Фэн, послушай, - вдруг спросил Гу Яньлин. - Раз господин мог положить глаз на такого невзрачного человека, как я, значит, ему нравятся и такие, как ты? Ты ведь куда красивее меня!

Чан Фэн недовольно нахмурился:

- Не говори ерунды. И запомни: о том, что господин якобы присмотрел тебя, никому и словом не обмолвись.

Хотя кожа Гу Яньлина была смуглой, а черты лица - самыми обычными, у него было маленькое, аккуратное личико и яркие, живые чёрные глаза. В своей мешковатой одежде слуги он казался довольно хрупким и беззащитным. В нём не было абсолютно ничего общего с Чан Фэном - высоким, крепко сбитым мужчиной, привыкшим к суровому воинскому делу.

Гу Яньлин послушно кивнул:

- Понял. Я никому не говорил, только тебе. Совсем не знаю, что теперь делать.

Чан Фэн напутствовал его:

- Не переживай слишком сильно. Если действительно не хочешь - просто держись подальше.

В конце концов, окончательный выбор оставался за ним, а Чан Фэн, будучи верным подчинённым принца, не мог и не должен был вмешиваться в подобные дела.

Весь остаток дня Гу Яньлин старательно не показывался Сяо Синханю на глаза. Он заперся в своей комнате, где медленно изготавливал мешочек и тяжело вздыхал, пока в его голове ожесточённо спорили две противоположные мысли.

«Если я всё же пожертвую собой, наши отношения станут особенными. Разве нельзя будет

тогда, в подходящий момент, нашептывать ему на ушко, чтобы он наконец наказал того коррумпированного чиновника?»

«Какое ещё нашептывание! Это же позорно! Как настоящий мужчина может строить такие коварные планы?!»

«А разве можно давать свою пятую точку кому попало?!»

Когда-то давно Гу Яньлин из чистого любопытства заглянул в павильон Южного Ветра и разговорился с одним из юношей-куртизанов. Тот в красках поведал ему, что всё написанное в книгах – чистая правда, и если «инструмент» окажется слишком большим, то это превращается в сущую муку: полжизни проходит в страданиях, а пятая точка превращается в кровавое месиво. К тому же, по словам куртизана, чем знатнее и влиятельнее вельможа, тем извращённее и причудливее становятся его пристрастия.

Вспомнив об этом, Гу Яньлин вздрогнул от ужаса и твёрдо решил защищать свою чистоту до последнего вздоха!!

Вечером, когда он принёс готовый мешочек, то столкнулся с Ли Юфу.

- Как раз вовремя, - заметил тот. - Господин собирается купаться, пойдёшь со мной прислуживать.

Гу Яньлин тут же затряс головой:

- Н-нет, не надо!

Ещё чего! Прислуживать Сяо Синханю, пока тот принимает ванну, - это всё равно что добровольно зашагнуть в разинутую пасть голодного тигра!

Ли Юфу недовольно нахмурился:

- Что значит «не надо»? Как ты собираешься учиться прислуживать, если не будешь смотреть, как это делается? В будущем это станет твоей основной работой. А ещё подача еды: ты как-то раз подал рыбу, даже не удосужившись вынуть кости из брюшка. Господин проявил величайшее великодушие, но в следующий раз будь предельно внимателен!

Какое ещё «будущее»? Он вовсе не собирается быть рабом, а принц, судя по всему, хочет сделать его своим налогом!

Ли Юфу, закончив отчитывать юношу, забрал мешочек:

- Я всё же проверю его. А ты иди в купальню, помоги господину раздеться.

Принц обычно принимал ванну первым. Домик лекаря находился недалеко, так что времени было достаточно. Ли Юфу, не терпя никаких возражений, велел младшему евнуху проводить юношу, а сам отправился за лекарем. Гу Яньлин неохотно, словно на казнь, поплёлся в купальню.

Остановившись у самой двери, он начал нарочито медлить:

- Может, ты сам зайдёшь и поможешь господину?

Младший евнух лишь покорно опустил голову и хранил молчание. Гу Яньлин, видя, что тот прикинулся глухонемым, был вынужден войти. В купальне стоял большой бассейн, окутанный густым паром; на каменных ступенях лежали принадлежности для мытья, а на кушетке у самого берега была аккуратно сложена чистая одежда.

С того самого мгновения, как Гу Яньлин переступил порог, пристальный взгляд Сяо Синханя был намертво прикован к нему.

Гу Яньлин почувствовал себя маленькой, беззащитной добычей, на которую из засады охотится голодный хищник. Собрав всю свою волю в кулак, он подошёл ближе и, нервно дрожа ресницами, произнёс:

- Ли Юфу проверяет мешочек, он велел мне помочь вам раздеться.

Сяо Синхань промолчал и медленно раскинул руки. Гу Яньлин опустил голову, осторожно распутывая пояс. Принц был намного выше него, и Гу Яньлин, склонившись, почти уткнулся лбом в его широкую грудь. Они стояли так близко, что Сяо Синхань, опустив взгляд, отчетливо увидел тонкую полоску обнажённой шеи юноши.

Гу Яньлин чувствовал себя так, словно стоял на раскалённых иглах; его пальцы путались в ткани, и вдруг сверху раздался холодный голос:

- Пояс так сложно развязать?

Гу Яньлин в испуге с силой дёрнул его:

- Всё, всё готово!

- Ты подумал? - спросил принц.

Гу Яньлин как раз собирался снять верхнее одеяние, но, услышав этот вопрос, вздрогнул от неожиданности и с силой ударился лбом о подбородок Сяо Синханя. Раздался глухой, болезненный стук.

Сяо Синхань нахмурился:

- Ты... сделал это... специально?

Гу Яньлин инстинктивно схватился за голову, корчась от боли. Увидев суровое лицо принца, он чуть не заплакал:

- Я потру вам, чтобы не болело!

Сяо Синхань резко отстранил его руку:

- Впредь можешь не приходить.

Гу Яньлин в ужасе схватил его за руку:

- Несправедливо! Я правда не нарочно, у самого голова болит, хотите, потрогайте, там точно шишка вскочила!

Он с силой притянул руку Сяо Синханя к своей голове. И действительно, шишка была весьма приличного размера.

Гу Яньлин жалобно пробормотал:

- Я же не врал, правда?

Сяо Синхань коснулся его головы и, убедившись, что шишка действительно приличная, сказал:

- Пусть потом лекарь... врач посмотрит. И так глупый, как бы совсем не отупел от удара.

«С виду такой грубый, а кожа-то какая нежная», – подумал Гу Яньлин.

Пропустив мимо ушей колкость о своей глупости, юноша уловил лишь то, что принц намерен вызвать врача, и решил, что тот искренне заботится о нём. «Наверное, он и правда слишком сильно меня любит», – подумал он, снова начиная витать в облаках.

- Пройдёт через минуту, пустяки. Давайте я лучше вам потру.

Сяо Синхань ответил:

- Не надо.

Гу Яньлин бросил взгляд на его подбородок, заметил там начинающийся синяк и почувствовал укол вины. Решил, что лучше не трогать.

- Тогда я помогу вам раздеться.

Он аккуратно снял верхнее одеяние и положил его на деревянную стойку. Обернувшись, он случайно бросил взгляд вниз...

?

??

«Спасите меня, боги, как это может быть настолько впечатляющим?!»

«Даже через плотную ткань нижней одежды отчетливо видно, какой там невероятный объём!!!»

<http://bllate.org/book/17939/1720376>